

У Сюн Сы-нян на душе окончательно похолодело. Она холодно произнесла:

— Неужели прошло всего-то несколько дней, а отец с матерью уже забыли договор, что заключили с моими родителями? На нём ведь стояла подпись старосты деревни Сун — он сам был свидетелем. Если вы теперь принуждаете меня выдать рецепт, то семья Сюн вполне может подать на вас в суд и потребовать компенсацию!

— Как ты разговариваешь со своей матерью?! — громко прикрикнул отец Сун.

Две невестки из семьи Сун, глядя на происходящее, с насмешкой и злорадством блеснули глазами. Для них было очевидным, что семья Сюн — глупцы. Целую жизнь прожили в нищете, а теперь, когда у них наконец появилось прибыльное дело, они решили поделиться им с выданной замуж дочерью. Разве бывает такое, чтобы вышедшая замуж девушка, оказавшись в чужом доме под гнётом свекров и свёкра, ещё и имела наглость утаивать что-то своё?

Сюн Сы-нян криво усмехнулась, спина у неё выпрямилась, как у сосны на горном склоне — прямая и крепкая.

— Да, я ушедшая в другую семью женщина, — твёрдо проговорила она, — но родители, несмотря на это, всё же отдали мне семейный рецепт. Почему? Потому что любят меня. Когда мама обучала меня выпечке, она прямо сказала — в семье Сюн всё не так, как у других. У нас даже вышедшая замуж дочь остаётся членом семьи. Поэтому мне и доверили этот рецепт. Она ещё сказала, что если где обидят — возвращайся домой, и дом станет моей опорой. С этим ремеслом я смогу зарабатывать, племянники будут ластиться и стараться угодить — а всё потому, что у меня будет своя доля, своё дело. Это — путь назад, который родители специально оставили мне, своей дочери.

Пока она произносила это, её голос был чётким и ровным, а глаза — твёрдыми. Она глядела прямо в лица свекра и свекрови, в её взгляде горела неггибаемая решимость.

Сюн Сы-нян понимала: сейчас её родители хотят стать для неё опорой и изменить её положение в семье мужа. Если она не ухватится за этот шанс, если не проявит твёрдость, то не только потеряет уважение, но и будет сочтена безнадёжной. А тогда и родительский дом отвернётся, и в будущем ей придётся рассчитывать только на себя.

Хотя Сюн Сы-нян не упоминала прямо о разводе, каждое её слово, каждая фраза недвусмысленно намекали именно на это. Чжао-ши была вне себя от ярости — с каких это пор женщины угрожают мужниной семье разводом? Всегда ведь бывало наоборот: семья мужа припирала молодых невесток к стенке угрозой изгнания.

— Сы-нян, что ты такое говоришь, ты угрожаешь семье Сун?! — взорвалась Чжао-ши, с грохотом ударив по столу. Старая щербатая чашка, стоявшая на краю, слетела на пол и разлетелась вдребезги.

Сун-эрлан прожил с Сы-нян немало лет и прекрасно знал, насколько она упряма в глубине души. Он по-настоящему любил её и был искренне благодарен матери за то, что та когда-то настояла на возвращении Сы-нян.

Он судорожно сжимал её руку, не отпуская, вспотев от волнения.

— Мама, не забывай, как мы договаривались с семьёй Сюн. Если сейчас откажемся, разве не станем посмешищем для всей деревни? А ещё старшая невестка из семьи Сюн — она ведь украла рецепт пирогов и отнесла его к себе домой. Разве ты забыла, как тогда пришёл Сюн Чжуаншань с людьми, всё разгромили, и они ещё три ляна серебра им заплатили? Та невестка и сейчас домой вернуться не может — до сих пор у своих живёт. А второй брат Сюн? Он ведь и на убийство способен. Лучше их не злить.

Одно только упоминание Сюн Чжуаншаня, грозы всех окрестных деревень, производило нужное впечатление — лица родителей Сун заметно помрачнели.

Но Сы-нян сказала спокойно:

— Мама, папа, я не угрожаю, а просто говорю, как есть. Подумайте сами: если мои мать с отцом готовы были отдать мне сразу четыре семейных рецепта, разве это не значит, что я всегда смогу вернуться домой?

Если уж родной семье Сюн Сы-нян было не жалко передать ей все родовые рецепты, с чего бы ей не иметь права вернуться домой? Лица отца и матери Сун потемнели от ярости, но выругать невестку язык не повернулся. А вдруг она, не сдержавшись, действительно уйдёт обратно в родительский дом, и семья Сюн начнёт шум и скандал, не даст покоя? Даже если никакой компенсации не потребуют, а просто заберут рецепты назад, что тогда? Ведь они приносили по несколько сотен вэнь в день — распробовав такую прибыль, разве можно легко от нее отказаться?

Тем более, если с самой семьёй Сюн ещё можно было поговорить, то с таким человеком, как Сюн Чжуаншань, — точно нет. Если отец с матерью Сун хотели и дальше сидеть дома и только считать деньги, им оставалось одно — проглотить обиду.

Отец Сун с мрачным лицом буркнул:

— Ладно, покончим с этим. Садитесь есть. С утра пораньше уже разборки.

Но Сы-нян и не думала уступать:

— С этим не покончено. У старшей и третьей невесток не было такого приданого, вот и захотели отобрать моё. Так дело не закончится!

Сегодня она твёрдо решила получить от семьи Сун внятную позицию, чтобы в будущем даже мысли подобные не возникали.

Мать Сун злобно уставилась на Сы-нян. Просить прощения у невестки? Да ещё у той, что ниже их по статусу? Да она же требует не просто извинений от двух других невесток, а чтобы она, свекровь, унизилась! Но если не уступить — ясно как день, весть дойдёт до семьи Сюн, а с их нынешним положением — это точно выльется в большой скандал.

Сдерживая ярость, стиснув зубы, она направила весь гнев на других невесток:

— Вы, две невоспитанные дряни, немедленно просите прощения у жены эрлана!

— Мама... — старшая невестка и представить не могла, что настанет день, когда ей, любимице семьи, придётся униженно извиняться перед той самой Сы-нян, которую она столько лет презирала и третировала. Та ведь была бедней некуда, едва ли не выпрашивала этот брак — разве сравнить с ней, с хорошим приданым и роднёй за спиной? Но свёкры были непреклонны. Оглядевшись в поисках поддержки и не найдя её, ей пришлось подавить горечь и стыд, чтобы, понутив голову, извиниться перед Сы-нян.

За ней, соблюдая все приличия, извинилась и жена третьего брата. Только после этого Сы-нян сочла инцидент исчерпанным.

Все обиды, что копились у Сюн Сы-нян за эти годы, Сун-эрлан знал до мельчайших подробностей и потому испытывал к ней всё большее сострадание. Раньше он не имел возможности встать на её защиту, но теперь, когда шанс представился, он сказал прямо:

— Мам, пап, ведь все пироги в доме делает только Сы-нян, по десяткам цзиней в день — она одна тянет всё это. Она и так уже устает, не стоит ей еще и хозяйством заниматься — здоровье дороже.

— Это уж нет, — вмешалась старшая невестка, — домашние дела у нас всегда делятся поровну.

— Досужие разговоры, — резко отозвался Сун Хуайцай. — Вот если бы у тебя, старшая невестка, дома была своя торговля, приносящая сотни вэнь в день, тогда бы и тебе не нужно было заниматься хозяйством.

Мать Сун не сдержалась — вскочила с места и, кипя от злости, ушла в свою комнату, не желая больше ни видеть, ни слышать Сы-нян:

— С этого дня жена эрлана домашними делами не занимается. Вы между собой распределите, кто что делает. А кому не нравится — пусть и он мне каждый день приносит по несколько сотен монет, тогда тоже может ничего не делать. Если вы, невестки, все сумеете такое обеспечить, я, старая, сама на себя возьму всю работу по дому.

Покой в доме Сун явно нарушился, а вот в семье Сюн царило оживление и радость. Хотя ореховое печенье стоило дороже, чем прежние четыре вида пирогов, прибыль от него была ещё выше. Богачи из уездного города особенно полюбили именно это печенье.

— Пятая сестра, отмерь мне три цзиня больших ореховых и два маленьких, — заказал один из клиентов.

Сюн-унян взяла медяки и аккуратно начала фасовать товар, а мужчина, то ли в шутку, то ли всерьёз, пожаловался:

— Вся ваша семейная выпечка теперь у твоей сестры, что вышла замуж — чтобы закупиться, приходится ехать в деревню Сун, совсем неудобно.

Рука Сюн-унян слегка замерла в движении, когда она укладывала печенье в коробку, но уже в следующий миг, ничем не выдавая волнения, ответила спокойно:

— Родители жалеют четвёртую сестру, хотят, чтобы ей в замужестве жилось полегче.

Мужчина нарочно поддел:

— Ну, раз вы так заботитесь о дочках, выходит, старик с матушкой приберегли для тебя, незамужней, и вовсе особое мастерство? — слова прозвучали как явная проверка. Если семья Сюн действительно собиралась передать секреты приготовления Сюн-унян, а те были бы не хуже, чем у четвёртой, — тогда и прибыль сулилась немалая. А раз так, то и сама Сюн-унян, пусть уже и не юная, могла бы стать завидной невестой в округе.

Пальцы Сюн-унян чуть сильнее сжали коробку. Родители с ней о таком не говорили ни слова.

— У-нян, что ты застыла, иди помоги мне фасовать печенье!

— Иду, мам...

Чжан-апо, уловив суть разговора, сразу поняла, что тот мужчина явно выпрашивает. Сюн-унян уже восемнадцать, возраст серьёзный — пора подыскивать ей хорошего мужа. А раз уж рецепты пирогов отдали четвёртой дочери, то почему бы и пятой не обеспечить хорошее приданое? Второй сын вряд ли будет против, если добавить ещё одну мастерицу в дело. Надо будет при случае поговорить с ним.

С этими мыслями Чжан-апо заговорила нарочито громко, так чтобы слышали все, кто пришёл за покупками:

— Мы, в семье Сюн, никогда не обижаем дочерей, выданных замуж. Что у четвёртой есть — то

и у пятой будет. Секреты приготовления печенья она тоже возьмёт с собой в новый дом, условия будут такие же, как у семьи Сун!

Покупателей с утра было немало, и как только услышали её слова, взгляды на Сюн-унян сразу переменялись. Некоторые из старших по возрасту мужчин тут же стали расспрашивать Чжан-апо, какие условия для сватовства. В одночасье Сюн-унян, ещё недавно никому не интересная, стала самой завидной невестой как в деревне Синхуачунь, так и в окрестных сёлах — сваты потянулись один за другим.

— Невестка, опять что-то новенькое придумал? Пахнет-то как аппетитно! — Сюн Чжу с самого утра услышал от односельчан, что фулан его второго брата снова смастерил что-то диковинное и велел ему продавать. А тот взгляд, с каким рассказчик смотрел на него, будто хотел насквозь прожечь — ну как это у Сюн Чжу судьба такая, что досталась ему такая невестка, каждый день что-то новенькое выдумывает, да ещё и вкусное.

Сюн Чжу под завистливыми взглядами со всех сторон, направился к дому Сюн Чжуаншаня, и едва переступил порог, как его окутал дивный аромат, ранее ему не встречавшийся: что-то сладкое, с молочными нотками, дурманящее, как будто и правда молоко, и в то же время нет — только сильнее тянуло к себе.

— Невестка, ну что ты опять такого сотворил?

Тан Шоу лишь махнул рукой, и Сюн Чжуаншань вынес из внутренней комнаты нечто, покрытое белым слоем с несколькими лепестками белых цветов, положенных поверху. Размером изделие было чуть больше чашки, но аромат от него наполнял всю комнату. Сюн Чжуаншань, не особенно церемонясь, с грохотом поставил угощение на стол.

Тан Шоу с испугом в голосе воскликнул:

— Полегче! Я же только один такой сделал, ещё раз швырнёшь — и трещинами пойдёт!

— Невестка, да эта штука, небось, недёшева, раз ты так за неё трясешься! — увидев, как изменилось лицо невестки от одной мысли, Сюн Чжу понял: точно, дело серьёзное.

— Конечно недёшева. Это угощение называется "дангао" — торт. Такой, как этот, стоит сто восемьдесят монет. А если он будет больше хоть на цунь — добавляется ещё сто, и дальше по нарастающей.

Торт вовсе не заморская диковинка, как может показаться. В Поднебесной его знали ещё с времён династии Сун. В записях говорится, что одна дворцовая служанка однажды заквасила молоко, и так появились сливки. Древние люди были куда изобретательнее, чем принято

думать в наши дни.

— Что?! Сто восемьдесят монет за такую крошку? Невестка, это уж слишком... — выдохнул Сюн Чжу, не веря своим ушам.

— Ну и что, что дорого? — невозмутимо отозвался Тан Шоу. — Для таких, как знатные господа, это вовсе не деньги. Им ведь главное, чтобы не посрамили их достоинство, когда угощают. Они любят роскошь — так давай дадим им роскошь.

Сюн Чжу почесал в затылке, медленно припоминая:

— Есть в этом резон... Я вот как-то ездил в Юйлинь продавать ореховое печенье, занёс в поместье Ван. И что ты думаешь? Та служанка смотрела на меня, будто я грязь с дороги. Мол, такие дешёвые пироги их господину есть не пристало, а если отравится, что тогда? Ха! Теперь-то пусть скажет, что дёшево. Вот тебе лакомство — с ладонь, а стоит сто восемьдесят монет. Посмотрим, смогут ли позволить себе. Разве они не всего лишь не боковая ветвь дома Ван из Дунцзина? А возомнили о себе будто главная линия.

Тан Шоу усмехнулся:

— Неси. И скажи, видели ли они что-нибудь подобное. Пусть знают — это вещь редкая, дорогая, делать её трудно, даже в императорском дворце такого нет. В прежние времена только члены императорской семьи могли позволить себе такое. А если будет торт на два яруса — тогда вообще серебро выкладывай. Один такой стоит уже несколько лян.

— Несколько лян?! — Сюн Чжу поперхнулся. — Да это же грабёж!

— Не бойся, найдутся покупатели. Ингредиенты дорогие, в этом и цена.

Сюн Чжу хоть и сомневался, но, вспомнив презрительное выражение лица той самой служанки, едва сдержался, чтобы не кинуться в путь прямо сейчас, в поместье Ван, и не выставить ей всё это прямо перед носом.

И действительно — стоило ему озвучить цену, как служанка тут же завизжала:

— Что?! Такая малюсенькая штучка — сто восемьдесят монет? Ты, часом, не мошенник?

Сюн Чжу прищурился и посмотрел на неё с таким видом, будто сама она стояла не дорожке пылинки на ботинке — в три раза вышемернее, чем она когда-то на него смотрела.

— Не можешь себе позволить — так и скажи, чего орать-то? Недавно ещё нос воротила от пирогов за пару монет — мол, дешёвка. А теперь, значит, даже сто восемьдесят не осилишь?

Так и запомним — болтать ты горазда, а как до дела — пустота.

Служанка вспыхнула, обиделась:

— Кто это тут болтать горазд?! Я просто... я просто сказала, что твоя выпечка не стоит таких денег!

<http://bllate.org/book/13592/1205350>